
ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Валерий Брюсов

РАССКАЗЫ МАШИ, С РЕКИ МОЛОГИ, ПОД ГОРОДОМ УСТЮЖНА

Текст рассказа находится среди рукописей Валерия Яковлевича Брюсова и при жизни автора не издавался. Первая публикация состоялась в 1976 году в 85 томе «Литературного наследства» (М.: Наука, 1976. С. 88–91). После этого рассказ неоднократно печатался в различных сборниках произведений Валерия Брюсова, прежде всего прозаических: Брюсов В. В такие дни. М.: Наука, 1976; Брюсов В. Избранная проза. М.: Современник, 1989; Брюсов В. Огненный ангел. СПб., 1993.

Как отмечает первый публикатор рассказа Вл. Б. Муравьев, «в творческой жизни Брюсова проза занимала место, пожалуй, не меньшее, чем поэзия» [1: 68]. Самое крупное прозаическое произведение писателя — исторический роман «Огненный ангел», в котором герой рассказывает о жизни Германии в XVI веке. Стилизация (повествование от лица рассказчика) была излюбленным приемом Брюсова-прозаика.

Кажется, проза так и не стала вершиной его творчества, многие произведения остались в архиве писателя. Стихи удавались ему лучше, но упорства и творческой фантазии при создании прозаических произведений Брюсов проявил немало.

Чем интересны «Рассказы Маши, с реки Мологи, под городом Устюжна»? Прежде всего — выбором географического объекта. Город Устюжна и река Молога — это наши места, правда, во времена Брюсова принадлежавшие к Новгородской губернии. Знаменательно, что здесь Брюсов обращается к русскому народному сказу. Чтобы сообщить большую достоверность повествованию, писатель придает ему форму «полевой

записи» — так ученые называют записанные в экспедициях рассказы сельских жителей о жизни и быте русской провинции. Более того, в рукописи сохранилась авторская справка: «Записано Новгородской губ., Устюжинского уезда на р. Мологе, в 1905». Однако известно, что весной 1905 года Брюсов был в Финляндии на озере Сайма [2: 335], а вот о посещении им «Устюжинского уезда» сведений нет. Кстати, А.И. Куприн, неоднократно бывавший в Устюжене и Даниловском, называл только Устюженский. С нашим земляком профессором Ф.Д. Батюшковым, регулярно навещавшим Даниловское, Брюсов не был близок. Словом, обращение его именно к устюженским сюжетам — творческая загадка.

Рукопись носит название «Рассказы...», что позволяет предполагать, что Маша рассказывала своей «барышне» эти рассказы не в один прием, а за несколько попыток, причем рассказывает, проживая, судя по тексту, уже в Ярославле. В рукописи есть правка отдельных слов и выражений, что подтверждает оригинальный характер рассказа как стилизацию под народный сказ. Все повествование посвящено одной теме — деревенской «нечистой силе». «Фантастическое во всех его проявлениях и аспектах всегда привлекало внимание Брюсова и находило отражение в его художественной практике» [1: 70].

Фантастический мир у Брюсова воспроизводится точно в соответствии с народными представлениями об этом мире. Представители нечистой силы имеют собственные названия: черти, дьяволы, лешие, водяные, русалки, домовые (шерстнатые), дворовые, баечники, перебаечники; есть у них и общие именования: нехороший, он, враг. Поминать нечистого или увидеть нечистого — худо, то есть быть несчастью. Кроме того, нечистый предпринимает и активные действия по отношению к человеку: делает нехорошо, напускает порчу. Противостоят нечистым гадалки, колдуны и колдуньи, хотя колдуны и сами могут напустить порчу.

Хотя героиня рассказа Маша — деревенская девушка, но диалектных речений в ее рассказе нет, Брюсов искусно стилизует рассказ под народную речь, избегая диалектизмов.

Вступительное слово и публикация Г.В. Судакова

РАССКАЗЫ МАШИ, С РЕКИ МОЛОГИ, ПОД ГОРОДОМ УСТЮЖНА

Ой, барышня, как в Ярославле хорошо, только одних жуликов и боишься, а у нас в деревне как худо: и дворовые, и домовые, и баечники, перебаечники. На дворе дворовой живет, а домовой в доме; дворовой с лица, как хозяин, а домовой шерстнатый. Дворового все видеть могут, кто после девяти на двор к лошадям выйдет. Так нельзя выходить, надо кашлять. А то вот отец раз вышел на двор и увидал, стоит дворовой и сено лошади подкладает. (Он лошадь нашу очень любит, все ей косу заплетает; косу длинную заплетет. А корову не взлюбил, языком ее всю против шерсти вылизал.) Домового реже видать можно, и в своем виде он редко показывается. А вот на печке спать одной страшно: придет ночью шерстнатый, давить будет. А баечника худо увидать, он сердитый, не любит, чтобы ему мешали. Старуха поздно вечером парилась, после всех; вдруг в дверь стучат. Она думала, это ее невестка, и говорит: «Входи, входи, я тут одна моюсь». А никто неходит, и в дверь все стучат. Он, значит, париться пришел, она ему мешает. Он уж под конец рассердился, стал дверь отворять и затворять: просунет голову и спрячет. Старуха увидала, что шерстнатый пришел, испугалась до смерти, кричит ему: «Батюшка, батюшка, погоди, я сейчас». Сбежала с полка и без памяти, как была, рубашки не надела, побежала на деревню, дорогой на сук наткнулась, глаз себе выколола, теперь кривая ходит. Вы, барышня, сами поезжайте, увидите: теперь кривая ходит. Спать в бане совсем худо. Если кто с крестом, того, конечно, баечник задавить не может, так только походит, потолкает, потому что он тоже спать в бане пришел, а они ему мешают.

Леший очень худой, это уж самый худой. Раз девушки коней пасли, ночью. И вздумали ночью слушать пойти. Кресты сняли и пошли за лес на опушку и стали всех нехороших призывать. Услыхали гул, все ближе, ближе. Им бы сказать: «Чур, пока полно», а они все не говорят, все больше, больше призывают. Потом видят, идет на них копна сена и в середине как кочерга, и вся огнем горит. Горит не прямо, а все кружится, вьется. Они закричали: «Каравул, каравул!», побежали на деревню, прибежали на беседу, кричат, что за ними копна горящая гонится. А на беседе старуха-колдунья была. Она им говорит: «Плохо ваше дело, девицы, он непременно сюда придет, вы наеньте на головы горшки и сядьте. Он как вас ударит по горшку, вы и

валитесь». Пришел нехороший в избу, стал по избе кружить. Нашел девушек, ударит по горшку, они и валятся, он и думает, что им голову разбил. Тем только и избавились.

А русалка у нас, барышня, каждую ночь на кладбище на камне сидит. Вот сторож церковный, когда ходит к утрене звонить, каждый раз ее видит. Волосы длинные-длинные и расчесывает большим гребнем. А еще у нас в реке камень есть, мы раньше туда купаться ходили, не знали, что там русалка сидеть любит. А вот наши мужики шли раз тихо, она их и не заметила. Подошли, а она сидит на камне и волосы расчесывает. Увидала их, глаза у нее большие, черные, — испуганная, и сразу нырнула в воду.

Ой, барышня, а как у нас в деревнене нехорошо делают. На святках (святки у нас длинные, у нас в деревнене, у деревенских, от Николы до Рождества, а в городе, у городовых, от Рождества до Крещения) слушать ходят. Вечером пойдут девицы на беседу. Потом которая нибудь скажет: «Пойдемте слушать». Сейчас они кресты снимут, на гвоздь повесят. Такие там, в избах, где беседы, (гвозди) вбиты по стенам. Сядут, кто на кочергу, кто на ухват, кто на сковородник, и поедут на перекресток. Там сделают дорогу: три полосы по снегу прорвут. Встанут и начнут всех нехороших призывать:

«Черти, дьяволы, лешие, водяные, русалки, домовые, баечники, перебаечники — приходите и покажитесь нам». Тогда услышат звон колокольчика. Когда уж он близко будет, надо кричать: «Чур, пока полно».

Рано нельзя кричать — ничего и не будет. А если поздно крикнуть — проедут и задавят. Если же вовремя скажут, проедут мимо, скоро-скоро, на хороших конях, нарядные кавалеры; все в белых высоких-высоких острых шапках, и с шапки на лицо и сзади длинные желтые кисти висят. Старые с длинными бородами, молодые без бороды. Проедут и прозвонят колокольчиком каждой девице, сколько ей лет замуж не выходит.

А еще слушать ходят к бане, на колокольню руки протягивают, кто за руку схватит — суженый ли, нет ли. Худо, если шерстнатый за руку схватит.

А как у нас в деревнене худо: колдунов сколько! Они, колдуны, молитвы говорят и берут на себя их, кто сколько, много берут. Если сорок кто возьмет, то это у них ни за что считается, а берут несколько сот, несколько тысяч. И уж они колдунам покою не дают ни днем, ни ночью, все нужно, чтобы колдун с ними говорил. У нас, когда

колдун приходит, его пивом угощают, боятся, чтобы он порчи не напустил. Раз колдун у нас ночевал, так я сама слышала, как он с ними говорил. Тятя ему говорит: «Да спи ты, дядя Михайло!» Он говорит: «Я сплю, я сплю». А потом: «Срубите елок, срубите елок». А они говорят часто-часто и плохо-непонятно, густым голосом и много раз одно и то же слово повторяют: «Сколько елок, сколько елок, сколько елок?» — «Десять елок, десять елок». Они скоро-скоро назад придут и опять спрашивают: «Мы срубили, мы срубили. Что нам делать? что нам делать? что нам делать?» — «Кирпичи делать». — «Сколько тысяч? сколько тысяч?» Он скажет, сколько тысяч. Они опять скоро вернутся: «Мы сделали, мы сделали». — «Хорошо ли сделали?» — «Хорошо сделали. Что нам делать? что нам делать?» Он и в церковь войдет, только успеет сказать: «Господи Иисусе Христе, пресвятая Богородица», а они опять его спрашивают, не дают в церкви стоять. А перед смертью их надо кому-нибудь отдать, а то они помереть не дадут, как ни мучайся.

Одной старухе некому было отдать, а уж очень тяжело было — помереть хотелось. Был тут только мальчик десяти лет. Она говорит ему: «Сними с меня». Он и согласился. Она велела ему крест снять и молитвы сказать. Она и отдала ему сорок. Они и стали его все спрашивать. Мать его забранила некорошими словами. Его и унесли. Гадалка сказала, что она поймать не может. Поймать может только крестная мать и то в диком виде. Крестная мать пошла в поле жать и увидала, что он по полю зайчиком прыгает. Она за ним погналась и поймала и свой крест на него надела. Тогда они его и отпустили.

А если колдун или колдунья венчаться будет, должен хоть на время их кому-нибудь сдать, клятву дать, что назад возьмет, а то не дадут в церкви слов сказать, каких надо.

Гадалки это совсем другие, чем колдуньи. Им не надо никаких на себя брать и никаких молитв говорить. Им нужно перед гаданьем только гада* (эмое. — Примеч. автора) съесть, поймать гада черного, сварить, кусочек и съесть.

У одной девицы был жених, и она очень его любила. А он помер. Она о нем так плакала, что ее собственная мать хотела ее топором зарубить. Его положили в церкви. За полторы версты от деревни церковь была. А девица вечером надела тулуп церковного сторожа, пошла к дьякону, ее там не узнали, спросила ключ от церкви. Пошла в церковь и принесла мертвого оттуда на беседу, принесла и в угол посадила, и стала перед ним плясать. А он, конечно, сидит мерт-

вый, ничего не понимает, голову закинул. А она плясала и говорит: «Теперь ты пляши». Тут уж, верно, враг в него вошел, он встал и стал плясать. Потом опять сел в угол, как мертвый. Она опять стала плясать. Потом он опять плясал. Потом говорит: «Теперь неси меня назад». А она уж испугалась, говорит: «Иди сам». Он говорит: «Я не просил, чтобы ты меня приносила, ты сама за мной пришла, теперь неси назад, откуда принесла». А парни на беседе сидят в углу и говорят: «Ну что ж, неси, снесешь, потом назад на беседу приходи». Она хотела его нести, а он тут ее задавил.

Задумали девицы беседу устроить в усадьбе, в четырех верстах от деревни. Ходили они уж целую неделю на беседу, а кавалеры к ним не ходили. Им скучно одним было. Вот собрались они раз на беседу идти. А у одной девицы сестра маленькая, пять лет, просится: «Варюшка, возьми меня с собой на беседу». Она говорит: «Куда я тебя с собой возьму». А мать говорит: «Ничего, возьми». Она взяла привела ее и посадила на печку. И стали девицы плясать. Вдруг отворяется дверь — к ним кавалеры пришли. Эти кавалеры были нехорошие, а они не узнали. Говорят: «Что вы к нам давно не приходили, как с вами веселее будет». Стали они с ними плясать. Девицы-то не видят, они им не показываются, а девочка видит: они как отвернутся, у них изо рта огонь. Девочка испугалась, зовет сестру: «Варюшка, я домой хочу». Она говорит: «Подожди, сейчас пойдем». Она говорит: «Нет, Варюшка, я сейчас хочу, я спать хочу». Она говорит: «Да подожди, сейчас пойдем, спать будешь». Она говорит: «Варюшка, да подойди сюда». Сестра подошла, она ей тихонько говорит: «Варюшка, я боюсь: у ваших кавалеров изо рта огонь». Девица испугалась, говорит: «Я домой пойду». Ей говорят: «Да погоди, куда ты». Она говорит: «Нет, я только девочку домой снесу и назад вернусь». Она схватила девочку и всю дорогу домой бегом бежала. Прибежала, залезла на печку и говорит: «Мамушка, я на беседу больше не пойду: у наших кавалеров изо рта огонь». Наутро пошли на усадьбу, а все девицы, кто задавленная лежит, а кто к потолку повешенная.

У нас в деревне худо, все браниться любят, а браниться очень худо. Скажут кому: «Ну тебя к лешему» или черта помянут, он тогда и унесет, пойдет ли кто на овин или на поле, человек ли, конь ли, корова ли. Нужно идти к колдуну, он скажет, через сколько дней его отдадут. Ходят, зовут, сколько дней ищут. Первый раз они ему дают голос подать и увидать можно, а потом уж не видно, и голоса не слыхать. Они его мучат, ездят на нем, за волосы таскают, в грязь

кладут, в болото заводят и ничего не велят рассказывать, а то опять унесут. Колдун так и говорит: «Вы его ни о чем не расспрашивайте, ему ничего сказать нельзя».

<1905>

ГБЛ. Ф. 386. 35а. 20. Л. 2–8. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Муравьев Вл. Б. Неопубликованные и незавершенные повести и рассказы // Литературное наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85. С. 67–87.*
2. *Лавров А.В. Брюсов Валерий Яковлевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 333–338.*